

нувшего в конце правления Елизаветы Тюдор резервного фонда¹, способного покрыть дополнительные текущие расходы монарха с учетом их непредвиденного роста. Поскольку из этой суммы лишь только треть приходилась на стоимость отчуждаемых короной прерогативных прав², желание общин превратить само соглашение в исключительно ретрибутивное могло быть вполне очевидным³.

Так или иначе, но финансовая реформа двора не состоялась. Яков I, стремившийся взять реванш, отказался от критики «консерватизма» Тюдоров и стал настаивать на необходимости сохранения традиций. Практика даровых коллективных трапез осталась неизменной.

С. Е. Федоров, А. А. Паламарчук (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДВИЖИМОЙ И НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ В АНГЛИИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII В.

Аннотация

Рассматривается практика налогообложения подданных английского королевства в период конца XVI – первой трети XVII в. в соответствии с объемом и размером их движимой и недвижимой собственности, называемой в источниках терминами «земля» (англ. – land) и «добро, имущество» (англ. – goods). С использованием данных материалов по графству Норфолк, автор исследует взаимосвязь размеров собственности, (как в категории «land», так и в категории «goods») с выплатами по субсидиям и займам, на вооружение ополченцев графств и на содержание пауперов. Приводятся конкретные данные о размерах наложенной субсидии на различные категории населения целого ряда сотен и церковных приходов. Отмечаются факты пересмотра должностными лицами первоначальных сумм обложения субсидиями по движимой собственности и недвижимости. Значительные суммы займов оказывались неподъемными для многих собственников, что заставляло власти искать новые способы их размещения среди подданных. Отмечается тенденция со стороны подданных различными способами занижать размер своей собственности и в том и в другом варианте или вообще утаить ее от королевских должностных лиц с целью снизить размер своей выплаты по указанным финансовым обязательствам. Денежные сборы на содержание пауперов были не столь значительными и не были строго привязаны к размерам движимой и недвижимой собственности. Формально они уплачивались всеми собственниками. Прослеживается стремление подданных уклониться от этой обязанности. Существовавшая система денежных выплат подданных по их финансовым обязательствам могла негативно отражаться на их предпринимательской активности.

Ключевые слова: собственность, земля, имущество, субсидии, займы, сборы на вооружение, пауперы, Бэкон, Тайный совет.

State taxation of the real and movable estates in England i n the end of XVI – beginning of XVII centuries

Summary

The author examines the practice of taxing subjects of the English kingdom during the late XVI – first third of the XVII century in accordance with the vol-

¹ Практика существования резервных фондов, так называемых депозитариев, известна еще с конца XIV в.

² Report on the Manuscripts of the Marquess of Downshire Preserved at Easthampsted Park Berks. 4 vols. London, 1924–1940. Vol. 2. P. 229. Proceedings in Parliament, 1610. Vol. 2. P. 168.

³ В пользу такого предположения говорит общая направленность парламентской дискуссии, где понятие «ретрибуции», впервые озвученное в речи У. Сэндиса, стало неотъемлемой частью реакции нижней палаты на предложения Сесила: Parliamentary Debates in 1610 / Ed. by S. Gardiner. Camden Society. London, 1862. Passim. (особенно: P. 22).

ume and size of their movable and immovable property, referred to in the sources as “land” and “goods”. Using data from materials of Norfolk County, the author discusses the relationship between the size of property, both in the land category and goods, with payments for subsidies, loans, levies for militia counties, and maintenance of paupers. Specific data on the amount of the imposed subsidy on various categories of the population of a number of hundreds and church parishes are given. There are facts of review by officials of the initial amounts of taxation on subsidies for movable property and lands. Significant amounts of loans were unaffordable for many owners, which forced the authorities to seek new ways of placing them among subjects. It is noted the desire of citizens in various ways to understate the size of their property in either version, or even to hide it from royal officials, in order to reduce the size of their payment for these financial obligations. The monetary charges for keeping the paupers were not so significant and were not strictly tied to the size of movable and immovable property. Formally, they were paid by all the owners. The tendency of subjects to evade this duty is traced. The existing system of cash payments of subjects on their financial obligations could negatively affect their private enterprise activity.

Key words: property, land, goods, subsidies, loans, charges for armament, paupers, Bacon, Privy Council.

В переходную эпоху от феодализма к капитализму происходит трансформация форм собственности. Особенно это заметно в отношении земельной собственности и соответствующих изменений в земельных отношениях. Практически все историки в своих исследованиях по истории Англии XVI–XVII вв. так или иначе затрагивали данный аспект¹. Это прослеживается, в частности, в трудах по аграрной истории Англии позднего Средневековья². В меньшей мере исследовалась эволюция движимой собственности.

¹ Например, мнения о собственности фермеров англоязычных авторов см.: *Митрофанов В. П.* Англоязычные историки о фермерских хозяйствах в позднесредневековой Англии (XVI – середина XVII в.) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. Вып. 2 / Гл. ред. В. В. Кондрашин. Пенза, 2014. С. 5–13.

² *Винокурова М. В.* Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века). М., 2004; *Лавровский В. М.* Исследования по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966; *Tawney R. H.* Agrarian Problem in the 16-th Century. London, 1913; *Thirsk J.* Enclosures and Engrossing // *Agrarian History of England and Wales*. Vol. IV Cambridge, 1967. P. 200–255; *Kerridge E.* Agrarian Problems in the Sixteenth Century and After. London, 1969; *Hoyle R. W.* Tenure and The Land Market in Early Modern England: or a Late Contribution to the Brenner Debate // *Economic History Review*, 2-nd series. Vol. XLIII. № 1. London, 1990. P. 1–20.

В данной работе предпринимается попытка анализа взаимосвязи финансовых обязательств англичан с их движимой и недвижимой собственностью – преимущественно на материалах графства Норфолк конца XVI – начала XVII в. Для этого использовались «бумаги» мирового судьи Норфолка Натаниэля Бэкона за период 1580–1620 гг.¹ Этот источник уже был объектом исследования, но в указанном контексте пока не затрагивался историками².

Следует отметить, что термин, адекватный понятию «собственность» (англ. – property) в нашем источнике не упоминается. Это понятие фигурирует под терминами «land» (земля) и «goods» (добро, имущество). Подобная терминология в отношении собственности прослеживается, например, и в завещаниях жителей города-манора Нерсборо (Йоркшир)³.

Известно, что сбор налогов в Англии в эпоху Тюдоров базировался на размере движимой и недвижимой собственности поданных⁴. Королевская власть возлагала на своих подданных уплату

¹ The official Papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as Justice of peace 1580–1620 / Ed. by H. W. Sanders // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. London, 1915; Supplementary Stiffkey Papers / Ed. by F. R. Brooks // Camden Society. Publications. Third series. Vol. LII / Ed. by F. R. Brooks. London, 1936. P. 1–55.

² *Митрофанов В. П.* Из истории военных ополчений графств Англии начала XVII в. (по материалам мирового судьи Н. Бэкона) // *Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки*. № 23 / Гл. ред. В. И. Коротов. Пенза, 2011. С. 523–527; *Он же.* Человек «второго плана» в государственной структуре английской монархии конца XVI – первой трети XVII в. (по материалам мирового судьи Норфолка Н. Бэкона) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 3. Пенза, С. 5–14.

³ *Митрофанов В. П.* Имущественное положение некоторых категорий малых английских городов второй половины XVI – первой половины XVII века (по завещаниям жителей Йоркшира) // *Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое время: К 75-летию доктора исторических наук, профессора И. Н. Осинковского: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 2 / Научн. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас, 2004. С. 129–134.

⁴ См.: *Царева Ю. И.* Трансформация системы налогообложения при Генрихе VII // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Комсомольск-на-Амуре*, 2013. № 11. 2 (14). С. 12–17; *Она же.* Финансовая политика Марии Тюдор (1553–1558 гг.) // *Преподаватель XXI век*. М., 2013. № 2. С. 264–269; *Она же.* Залоги и займы как источник дохода королевской казны при Генрихе VII Тюдоре (1485–1509) // *Британия: история, культура, образование. Тезисы доклада III Международной научной конференции*

субсидий, которые вотиrowались парламентом. Эта практика имела место в период правления Елизаветы Тюдор и первых Стюартов. На парламентских сессиях регулярно принимались Акты о субсидиях. За время правления Елизаветы их собирали более 30 раз. Такая система выплат субсидий продолжалась до конца правления Якова I (т. е. до 1625 г. – В. М.). При этом неизменно сохранялся принцип зависимости выплаты подданными по субсидиям от размеров их движимой и недвижимой собственности.

В «бумагах» мирового судьи Н. Бэкона имеется материал по сборам субсидий по пяти сотням графства. Правда, полная раскладка сбора субсидии дана только по одной из них South Erpingham (за 1606 г.).

Так, в 37 церковных приходах, в которых содержатся сведения по обложению субсидиями более 300 человек, из которых 1 дворянин (рыцарь), 28 джентльменов, а остальные крестьяне и горожане, на 287 человек из них были наложены платежи по земельной собственности, а на 58 человек – по оценке движимого имущества. Причем при оценке движимости платежи наложили на крупных собственников, но не наложили на остальных жителей приходов. Это можно расценивать как массовое утаивание движимой собственности от ее обложения сбором в счет субсидии. Ведь маловероятно, что, кроме состоятельных собственников движимости, в этих приходах не было лиц, имевших мелкую движимую собственность. Тот факт, что в 14 приходах ни на одного человека не было наложено платежей в счет субсидии по движимому имуществу, означает, что их земельная собственность оценивалась выше их движимости. Однако они могли утаить подлинный размер своей движимой собственности (например, каких-либо товаров) от их полной оценки и соответствующего начисления суммы выплаты по субсидии.

Соответственно, сумма начисления выплаты субсидии по оценке земли тоже значительно больше, что отражено в *табл. 1*. Как следует из нее, такая же закономерность, т. е. преобладание суммы сбора субсидий от земельной собственности, прослеживается и по другим четырём сотням графства.

По земельной собственности количество человек, обложенных субсидиями, варьировало в каждом приходе от 1–2 до 39. Это значит,

1–2 октября 2015 г. Ярославль, 2015. Вып. 3. С. 57–60; *Она же*. Формирование юридических основ для взимания подушного налога в Англии XVI века // Ученые записки Череповецкого государственного университета. Череповец, 2016. № 2(6). С. 63–70.

что в ряде приходов очень мало было собственников земли, доход от которой превышал бы оценку их движимого имущества. Например, в 28 приходах таковых было менее десятка. Собственники хотя бы какого-то движимого имущества были в 23 приходах в количестве от 1 до 8 человек. Интересно, что в одном приходе имущество одного человека (причем не из джентри) было обложено в счет субсидии по земельной собственности на сумму в 8 ф. ст., а в счет субсидии по движимости – в 13 ф. ст. в этом же приходе, что, вообще-то, не допускалось законом. А на другого жителя графства (также не из джентри) была начислена сумма субсидии по земле в 30 ш.; затем ее увеличили до 40 ш. При этом в счет субсидии по движимости он должен был уплатить 3 ф. ст.¹

Кроме того, один-единственный собственник, проживавший в одном из этих приходов (рыцарь) был обложен субсидией по земельной собственности в размере 15 ф. ст. А некая вдова, не принадлежащая к разряду джентри, также в счет указанной субсидии должна была уплатить 15 ф. ст.² Это была максимальная сумма платежей в данной категории.

Всего пересмотр наложенных сумм выплат по субсидии произвели в 35 случаях. В девяти случаях первоначальные обложения по земельной собственности изменялись в сторону увеличения. Причем в основном проверка правильности начисления суммы по выплате субсидии применялась к джентри. В подавляющем большинстве случаев сумма платежа в счет субсидии по земельной собственности увеличивалась как минимум на 10 ш., а иногда и гораздо больше. Однако в трех случаях наложенные суммы пересмотрели в сторону увеличения, но при вторичном утверждении их снизили. Видимо, отдельные лица смогли добиться пересмотра сумм платежей по субсидии и сумели доказать, что их имущество было оценено неправильно. В четырех случаях переоценку земель джентри персонально подтверждали и делали соответствующую запись. В трех случаях то же самое делали в отношении других категорий населения. Очевидно, одной из причин пересмотра оценки земельной собственности могла быть сдача земли в аренду по так называемым «улучшенным рентам», уровень которых мог варьировать в зависимости от конъюнктуры земельного рынка.

¹ The official Papers // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. P. 84–95.

² Ibid. P. 89, 91

Кроме того, у нас имеются общие данные по суммам субсидий еще четырех сотен графства. С учетом этих данных за разные годы: можно составить сводную таблицу по пяти сотням графства (см. табл. 1).

Таблица 1

Суммы сборов по субсидиям с движимой и недвижимой собственности в пяти сотнях графства Норфолк

№	Сотня	Год	Размеры субсидий с земли в ф. ст.	Размеры субсидий с движимого имущества в ф. ст.
1.	Gallow	1607	188	81
2.	North Erpingham	1602	497	286
3.	Laundich	1621	284	78
4.	Northgrenhoe	1607	317	169
5.	South Erpingham	1606	248	174

Источник: The Official Papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as Justice of peace 1580–1620 / Ed. by H. W. Sanders // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. London, 1915. P. 84–95.

Таким образом, наибольшая сумма субсидий была собрана в сотне North Erpingham в 1602 г. (783 ф. ст.), а наименьшая (почти в 3 раза ниже) – в сотне Gallow в 1607 г. (269 ф. ст.).

Как видим, основные суммы субсидий корона получала от обложения земельной собственности. Это может свидетельствовать о том, что земельную собственность, конечно же, труднее утаить от оценки и последующего определения суммы платежа в счет субсидии – в отличие от движимого имущества.

Однако уровень сборов от обложений движимого имущества в счет субсидии в целом на одного человека был выше, чем уровень обложения земельной собственности; он составлял от 3 до 13 ф. ст.

Интересно, что если субсидии по земельной собственности были наложены на 23 лиц из числа джентри (суммы от 20 ш. до 10 ф. ст.), то субсидии по движимости – только на 6 представителей этой категории. Основная масса джентри была обложена субсидиями по земель-

ной собственности от 3 до 6 ф. ст. Примерно 40 человек (не из числа джентри) были обложены субсидиями по земельной собственности на суммы от 1 ф. ст. до 15 ф. ст. Суммы субсидий по движимости также составили от 3 ф. ст. до 6 ф. ст. Это могло означать, по всей видимости, что официально в данных сотнях графства среди джентри не было крупных собственников земли и движимости.

Вместе с тем, с учетом данных сборов субсидий по пяти сотням графства за 1602–1621 гг., эти цифры сбора субсидий от земельной собственности и движимому имуществу могут косвенно свидетельствовать о значительном количественном колебании земельных собственников и собственников движимости. Низкий уровень суммы сбора субсидии в 1621 г. от обложения движимого имущества по сравнению с другими четырьмя сотнями в 1602–1607 гг. может свидетельствовать о значительном сокращении собственников движимости в этой сотне. В то же время количество земельных собственников в 1621 г. было примерно сопоставимо с количеством земельных собственников в этих четырех сотнях за период 1602–1607 гг.

В одном из документов «бумаг» Бэкона отмечено, что если в начале правления Елизаветы Тюдор графство Норфолк дало 7465 ф. ст. 4 ш. 1,5 п. субсидий, то в 1621 г. – только 2198 ф. ст. 19 ш. 10 п. (т. е. в 3,4 раза меньше)¹.

Конечно, Тайный совет был обеспокоен таким снижением сборов субсидий. Поэтому в своих посланиях предписывал мировым судьям и комиссионерам по сбору субсидий более тщательно проводить оценку недвижимой и движимой собственности с целью определения суммы субсидий. Очевидно, одна из сложностей оценки земли и движимости состояла в том, что накануне проведения обследования собственники уезжали из своих мест, где их хорошо знали, в места, где их знали меньше, и там занижали или утаивали какую-то часть своей собственности от обложения платежом по субсидии. Поэтому определять сумму субсидии с собственников Тайный совет рекомендовал комиссионерам в местах их постоянного проживания.

В случае, когда при определении суммы сборов с собственности в счет субсидии человека на месте не было, комиссионерам следовало налагать на него такую сумму, какая была при последнем обследовании его собственности. Одним из факторов успешной работы комис-

¹ Ibid. P. 89, 91.

сионеров Тайный совет считал формирование его состава «честными персонами сотни» для определения собственности каждого человека этой сотни¹. При этом при оценке как движимой, так и недвижимой собственности требовалось вести записи. Согласно закону, при наложении денежной субсидии с движимой и недвижимой собственностью комиссионеры должны выбирать и записывать лишь одну из них, большую по стоимости собственность (т. е. не оба вида одновременно). Предписывалось учитывать и земли различных корпораций в данной сотне, которые также облагались субсидиями. Молодых людей до 21 лет предписывалось облагать субсидиями только по их движимой собственности, но не по земле². Видимо, это исходило из феодальной традиции в Англии, где лица до 21 года считались несовершеннолетними и находились под опекой, а следовательно, не являлись полноправными земельными собственниками.

Духовенство также предписывалось облагать субсидиями по той же норме, что и мирян, т. е. порог облагаемой собственности (видимо, дохода) для них также составлял 20 ш. Предусматривалось и право подданных оспорить их сумму обложения субсидиями в судах. Поэтому комиссионерам рекомендовалось очень тщательно подходить к определению суммы субсидий для каждого человека, «отбросив свои симпатии и антипатии». За халатность комиссионеры могли быть оштрафованы на 10 ф. ст. Они должны были вести книгу учета движимой и недвижимой собственности подданных в каждой сотне, где бы все было тщательно записано³.

Другие, сохранившиеся в «бумагах» сведения также дают некоторую информацию о субсидиях и собственности подданных в Норфолке. Так, например, в 1588 г. Бэкон подготовил пространную речь для выступления в палате общин в отношении способов обложения субсидиями согласно принятому Акту о субсидиях. Этот Акт устанавливал сбор 2/15 субсидий в размере 4 ш. с фунта дохода от земли и 2 ш. 9 п. с фунта при оценке движимости. В своей речи Бэкон подробно излагал порядок формирования и работы комиссий по сбору субсидий.

Он отметил такие важные моменты, касающиеся собственности, как необходимость минимальной оценки земли на сумму 20 ш., а движимого имущества – на сумму в 3 ф. ст.

¹ Ibid. P. 75–78.

² Ibid.

³ Ibid. P. 83.

Собственников именно такого ранга (с описанием их имущества), следовало записывать в списки (в качестве критерия выбирая наиболее «дорогостоящий» вид собственности) и предоставлять ему эти сведения, на основе чего Бэкон лично намеривался определять размер субсидии с каждого собственника¹.

Причем с иммигрантов, даже натурализованных, как и ранее, полагалось брать в два раза большую субсидию, чем с англичан: с земельной собственности – 8 ш. с фунта стерлингов ее доходности, с движимости – 5 ш. 4 п. с фунта ее оценки. Все иммигранты должны были переписаны с учетом вида и размера их собственности. Причем иммигранты старше 7 лет, не имевшие собственности, все равно должны были платить субсидию в 8 пенсов (в два срока по 4 пенса).

Комиссионеры должны были также фиксировать для наложение субсидий (в тех сотнях, куда они были направлены) уровень земельной собственности различных корпораций и размер их движимого имущества².

Давая оценку соотношению размеров субсидии и собственности, можно отметить следующее. Оценка движимого имущества была на самом деле лишь приблизительной, никакой методики ее объективного оценивания не было, так как стоимость каждого предмета движимой собственности определялась во многом субъективно, и непонятно было, насколько при этом учитывались такие показатели, как, например, сохранность вещи, ее полезные качества, ее износ и тому подобное. Более точно можно было оценить различные товары – например, запасы зерна у торговцев³.

Создается впечатление, что государство явно не интересуется качеством движимой собственности, но лишь ее размером и оценкой в денежном выражении.

Оценка доходности земельной собственности также не могла быть точной, ибо сельскохозяйственную продукцию крестьяне и фермеры могли сбывать на разных рынках, на которых цены могли колебать-

¹ Ibid. P. 76.

² Ibid.

³ Однако даже это могло вызывать споры. См.: Митрофанов В. П. Суд Звездной палаты в Англии: дела о торговцах зерном (на примере процесса 1631 г.) // Известия ПГПУ. Серия: Гуманитарные науки. № 11 (15) / Гл. ред. А. Ю. Казаков. Пенза, 2009. С. 121–125.

ся в зависимости от места и времени продажи¹. Поэтому должностные лица, имевшие дело с оценкой земельной собственности, могли лишь приблизительно определить ее доходность или же – в качестве варианта – производить расчет от уровня доходности за последний сельскохозяйственный сезон. Более точно доход с земельной собственности на предмет расчета субсидии можно было определить лишь по уровню рент или арендных платежей, сведения о которых можно было получить в манориальной курии.

Утаивание земельной собственности, очевидно, было повсеместным явлением на фоне того, что в королевстве существовало немало крупных землевладельцев-лендлордов, а также крупных фермеров, имевших сотни акров земли и тому подобное. Это же можно сказать и о существовании множества крупных собственников движимости в данном графстве. Например, за период с 1584 по 1589 г. 46 человек в графстве предоставили денежные залоги по разным обстоятельствам в сумме от 2,5 ф. ст. до 20 ф. ст. (лишь двое из них «показали» данные о минимальной сумме залога 2,5 ф. ст.), Для 15 человек был характерен залог на сумму 20 ф. ст., 22 предъявили сумму по 10 ф. ст. и 6 человек – по 5 ф. ст.

А за период с октября 1590 г. по февраль 1591 г. Бэкон выдал 32 лицензии крупным хлебным торговцам, чьи запасы различного зерна составляли сотни и даже тысячи кварталов². В его «бумагах» фигурируют и крупные собственники других видов продовольственных товаров³.

В различных петициях, направленных Бэкону от жителей деревень и городов, имелось немало сведений о крупных собственниках движимости и недвижимости⁴. Обладая значительной собственностью, они получали от нее и соответствующие доходы. Однако истинный их размер на основе применявшихся в то время способов определить было невозможно.

Займы короне, как известно, также были фактически одной из финансовых обязанностей подданных, имевших хороший материальный

достаток, а значит, и собственность. В «бумагах» Бэкона имеются некоторые сведения о займах в Норфолке¹. С помощью мировых судей на местах составлялись списки зажиточных лиц, которые могут предоставить денежные займы короне. Эти списки отсылались в Лондон, и Тайный совет уже мог иметь представление о том, какую сумму займа можно получить по тому или иному графству. Затем следовало распоряжение о сборе займов с указаниями о том, как их лучше всего проводить. Так, например, в 1588 г. Тайный совет прислал Бэкону инструкцию по сборам займов. В ней отмечается, что мировые судьи должны путем «дружеского увещевания» побуждать указанных в списке лиц давать займы королеве. В ходе проведения займов, конечно, какая-то часть таких людей отказывалась их давать, ссылаясь на трудности своего материального положения.

В таких случаях мировые судьи должны были предупреждать их о том, что членам Комиссии по займам предписано проверять и определять истинную стоимостную оценку их земельной собственности и движимого имущества и направлять полученные таким образом сведения в Тайный совет и Казначейство².

То есть лицам, утаивавшим истину, давали понять, что если уровень стоимости их земельной собственности или движимого имущества окажется вполне достаточным – с точки зрения властей – для участия в займе, то они могут впасть в немилость короны.

На примере графства Норфолк можно увидеть подобные случаи. Так, в письме Тайного совета лорд-лейтенанту графства от 20 сентября 1589 г. тайные советники выразили свое удивление тому, что там не собраны займы с состоятельных лиц, включенных в списки заимодавцев. «Если же они, в самом деле, так бедны, – говорилось в письме, – что не в состоянии давать займы, как предписывалось, в суммах 100, 50 и 25 ф. ст., то следовало бы распределить эти суммы на двух-четырех человек. Причем позаботиться об этом должны не только комиссионеры по займам, но и сами лица, внесенные в списки, но отказавшиеся предоставить займы в таких размерах³.

Суммы займов, ввиду указанного выше, могли быть нестабильными. Так, например, в отчете о сборе займов от августа 1597 г. Бэкон сообщал Лорду Хранителю о том, что он собрал в своем графстве и

¹ *Everitt A. The Marketing of Agricultural Produce // The Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. P. 466–592.*

² *Supplementary Stiffkey Papers / Ed. by F. R. Brooks // Camden Society. Publications. Third series. Vol. LII. London, 1936. P. 15–18.*

³ *Ibid. P. 17.*

⁴ *Ibid. P. 18–20.*

¹ *Official Papers. P. 95–101.*

² *Ibid. P. 95–96.*

³ *Ibid. P. 97.*

отправил в Лондон в качестве займов сумму в 3500 ф. ст. Однако при этом он отметил, что очень многие лица, включенные в списки, не дали займов королеве. По его мнению, это произошло как по причине их «неспособности» к выплатам, так и в соответствии с желанием переложить эту финансовую обязанность на других людей. В то же время в отчете сообщалось, что есть немало лиц, которые просили перенести сроки предоставления займов до Дня святого Михаила, т. е. до 29 сентября, и он разрешил им это. Кроме того, Бэкон отметил и тот факт, что есть и состоятельные лица, отказавшиеся давать заем, но он попытается еще раз их убедить предоставить займы, а если они окончательно откажутся, то сообщить в Тайный совет их имена¹.

Так, например, сохранились достаточно подробные сведения о лицах, отказавшихся дать королеве займы в 1591 г. Таковых по графству набралось 40 человек (из них только один представитель джентри), которые предоставили письменные свидетельства от различных должностных лиц своих сотен. Причины их неплатежеспособности были разные. Наряду с типичными указаниями о лицах, чья «неспособность» дать заем подтверждалась мировыми судьями и констеблями, есть и нестандартные подтверждения от «трех священников, очень честных и доверительных», «со многими другими свидетельствами» (т. е. других лиц, а не только мировых судей и констеблей), а также свидетельство «мэра Норича».

Также наряду со стандартной записью о «неспособности» дать заем встречаются и нестандартные: «очень бедный человек», «очень неспособный дать заем», «неспособен дать заем из-за многих долгов по содержанию дома и больших обременений детьми», «находящийся в тюрьме за долги», «впавшая в долги из-за содержания большого дома странноприимного дома», «впавший в долги, из-за чего редко выходит из дома», «моряк-погорелец, утративший корабль, честный житель города, но неспособный давать заем без заимствования денег».

Помимо сведений о 40 лицах подобного рода, отмечается 14 человек умерших, 6 включенных в списки ошибочно, 17 лиц, уехавших из графства, 3 дававших заем прошлый год и 34 человека, все же признанных способными дать заем².

Итого в списки потенциальных заимодавцев было включено 114 человек, которые, по его мнению, были состоятельными собственниками.

Бэкон, как уже отмечалось, в своем отчете за 1589 г. сообщал и о лицах умерших и уехавших. Интересно то, что в его данных, адресованных в Тайный совет, имелись сведения даже о тех лицах, которые умерли, но, по его мнению, были способны дать заем – наряду с живыми платежеспособными людьми. В «бумагах» есть запись от 1596 г. о 139 таких лицах.

В списке по займу от 1598 г. зафиксированы 246 имен, расписанных по сотням графства.

Таким образом, в последнее десятилетие XVI в. в Норфолке в разные годы – по представлению местных властей – проживало порядка от 100 до 246 крупных собственников движимости или недвижимости, способных предоставить короне займы в суммах 25, 50, 100 ф. ст. Однако в реальности по разным причинам таковых оказалось значительно меньше.

Очевидно, и в последующие годы там сохранялась подобная ситуация. Поэтому каждый крупный собственник как потенциальный заимодавец был на счету у властей. Так, например, в 1614 г. Яков I адресовал свою признательность Н. Бэкону и еще одному из мировых судей графства за то, что они сумели убедить в одной из сотен графства 34 лиц дать заем, что составило всего-то 20 ф. ст. 10 ш. 4 п. по одному списку и 10 ф. ст. 16 ш. 8 п. (сумма, полученная от 20 человек) – по другому¹. Как видим, судя по небольшим суммам, это были уже совсем не крупные собственники движимости или недвижимости.

На основе приведенных выше цифровых данных о займах можно судить, что они взимались очень непросто. Многие собственники отказывались их предоставлять под разными предлогами или же просили отсрочки. Но все эти отказы требовалось подтверждать мировыми судьями и констеблями сотен, а порой и другими должностными лицами графства. Как и в случаях с субсидиями, здесь также наблюдается стремление подданных занизить или утаить свою земельную и движимую собственность, хотя размер земельной собственности или движимого имущества ни сами они, ни представители местных властей не указывали.

Одной из финансовых обязанностей подданных был сбор средств на вооружение и амунизию для ополчений графств. Общие принципы

¹ Ibid. P. 100.

² Ibid. P. 100 (footnot. 1).

¹ Ibid. P. 101(footnot 4).

этого были определены еще статутом 1557 г.¹ В то время менялось вооружение, все более внедрялось огнестрельное оружие, более дорогое, чем холодное. Местные власти все чаще сталкивались с нежеланием сельских и городских жителей предоставлять свои деньги на эти цели. На примере графства Норфолк можно проследить связь земельной собственности с денежными сборами на вооружение ополченцев.

Вот пример. Помощник лорд-лейтенанта графства 23 сентября 1608 г. заключил соглашение с местными властями селения Кинг-Хетт, по которому каждый владелец земли, оцененной в 200 ф. ст., или же имеющий движимую собственность, оцененную в 2 тысячи ф. ст., должен был приобрести на свои средства для ополченцев латы, мушкет и копье. Все это следовало демонстрировать во время военных смотров ополчений². Каждый человек, чья земля оценивалась в 100 марок или же чье движимое имущество оценивалось в 1000 марок, должен был представить для ополченцев лошадь и вооружение для легкого пехотинца (латы, мушкет и копье).

Каждый человек, чья земля оценивалась в 40 ф. ст. и который имел движимое имущество на 500 ф. ст., был обязан поставить для ополченцев карабин и вооружение легкого пехотинца. Лица, чьи земли оценивались в 13 ф. ст. в год, а движимость — в 200 ф. ст., должны были поставлять для ополчения мушкет или латы по усмотрению капитана воинской команды. Каждый собственник, чья земля оценивалась в 10 ф. ст., а движимость — в 200 марок, должен был поставить для ополчения легкое ружье³.

Однако этот документ предусматривал и возможность снижения денежного обложения на вооружение, если материальное положение человека ухудшилось. Особо оговаривалось, что норма денежного обложения на вооружение ополчения для горожан была такая же, как и для сельских жителей⁴. Интересно отметить, что не предусматривалось каких-либо льгот в отношении дворян и духовенства, т. е. сохранялся тот же порядок обложения, какой существовал и при Елизавете Тюдор.

Однако нормы обложения денежных средств на вооружения при Елизавете все же менялись, но даже сам Н. Бэкон не всегда знал о происходивших изменениях. Поэтому при необходимости, когда его спрашивали об этом жители графства, он направлял запрос лорд-лейтенанту графства. Например, однажды у него возникла проблема с нормами обложения в случае выставления трех всадников. Так, было неясно, следовало ли выставять такое количество всадников собственниками с доходом в 2 тысячи ф. ст. или же в 3 тысячи ф. ст. Также для Бэкона оставалось непонятным, можно ли было собирать эти средства в рамках «политики» субсидий или их следовало отнести к какой-то иной статье доходов короны? Не знал он и того, какой «методики» должны были придерживаться помощники лорд-лейтенанта при определении доходности земельных владений с целью определения для их владельцев нормы поставки вооружений для ополчения.

В общем, отсутствие проработки деталей в деле решения подобных вопросов на местах вызывало много споров. Очевидно, это влияло и на общий процесс сбора денежных средств с собственников недвижимости и движимости.

Так, например, за период с 1596 по 1602 г. в одной из сотен (Бразер Кросс) на службу восьми солдат за пределами сотни было собрано 24 ф. ст. 8 ш., а в 1598 г. на закупку легких лошадей для войск в Ирландии собрали 3 ф. ст. Для отправки 9 солдат в Ирландию за период с 1598 по 1600 г. в сотне потребовалось собрать 37 ф. ст. 7 ш. 6 п. А в 1599 г. для приобретения пороха и запальных фитилей собрали 14 ф. ст. 14 ш. Вдобавок 5 ф. ст. 2 ш. были собраны для оплаты куратору военного смотра ополчения¹.

Таким образом, на военные нужды за период с 1597 по 1600 г. в данной сотне было собрано 84 ф. ст. 11 ш. 6 п. Если учесть, что, помимо этого, собственники недвижимости и движимости платили субсидии и давали займы, то можно себе представить, насколько обременительны для них были эти платежи на военные нужды. Не случайно Н. Бэкон часто ломал голову над тем, как взимать денежные средства на военные нужды: каким именно образом собирать деньги с небольших поместий, как облагать духовенство, горожан, которые имели земельную собственность в сельской местности... Ведь как землевладельцы эти лица, например, были обязаны поставлять лошадей для воинских ополчений, но как горожане они отказывались это делать.

¹ Ibid. P. 31.

¹ Statutes of The Realm of England / Ed. A. Luders, T. E. Tompkins. Vol. IV. 4 and 5 Phil and Mary Cap. 3. An act fore the taking Mursters (Акт о проведении военных смотров).

² Supplementary Stiffkey Papers // Camden Society. Publications. Third series. Vol. LII. P. 25.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Возникали и другие сложности при сборе денег на военные нужды, которые Н. Бэкону приходилось решать. При поддержке лорд-лейтенантов графства ему все же удавалось убеждать англиканский клир выделять немалые денежные средства на эти цели, ибо они все-таки были порой крупными собственниками недвижимости и движимости. Очевидно, благодаря настойчивости мирового судьи и относительной состоятельности населения Норфолка, к 1616 г. там имелся значительный арсенал вооружения для ополчения графства. Так, по данным 14 сотен графства в тот год на балансе числилось 740 стволов мушкетов, 230 стволов легких карабинов, 2224 фунта пороха, 1082 фунта запальных фитилей и 1404 фунта пуль, не считая холодного оружия¹. По сути дела, это была своеобразная коллективная движимая собственность в виде оружия, боеприпасов и амуниции.

Как известно, согласно елизаветинским законам о пауперах, все жители церковных приходов должны были уплачивать определенные суммы денег на содержание нищих (relief). Твердой привязки нормы платежей к размерам движимой или недвижимой собственности жителей в этом случае не было. Очевидно, размеры взносов определяли сами местные власти, и специальные должностные лица (смотрители за бедными) периодически их собирали с имущего населения своих приходов.

О том, как это проходило на практике, опять-таки можно судить на примере графства Норфолка на основе «бумаг» мирового судьи Н. Бэкона, а также по некоторым другим источникам из Йоркшира².

О нехватке денег на пауперов и других проблемах в этой связи представители властей сотен сообщали Бэкону не раз³. Так, например, в 1603 г. некий Джилес Готфри, смотритель за пауперами, сообщал ему о том, что хотя все состоятельные жители церковного прихода уплачивали взносы в пользу пауперов, но денег все равно не хватает. Общая сумма, которая была необходима, должна была составлять 5 ф. ст. 16 ш., а реально было собрано 4 ф. ст. 9 ш. Таким образом «недобор» составил 1 ф. ст. 6 ш. 8 п.

В своем письме его автор дал раскладку уплаты сборов в пользу бедных. Оказывается, что выплаты на пауперов в этом селении варьировали от 2 п. до 16 ш. 6 п. Всего уплатили 19 человек: один человек

уплатил 2 п., пять человек выплатили по 12 ш., менее 1 ш. выплатили 8 человек, 4 человека выплатили от 1 до 5 ш. 6 п. и 1 человек 1 ф. ст. 6 ш. 8 п.¹ В письме отмечено, что собранных средств не хватило на содержание местных пауперов в течение всего года. За несколько недель до Нового года деньги закончились. Из письма видно, что этот смотритель за пауперами обложил денежными сборами прихожан в соответствии с «показаниями» одного из местных жителей, который сам уплатил налог в пользу бедных в размере 12 ш. Остальные жители этого селения не платили в тот год сбора в пользу бедных по причине своего собственного тяжелого положения. Сколько таких лиц оказалось в целом, в письме не указывается. Можно лишь предположить, что их было больше, чем тех, кто уплатил сбор в пользу бедных. Ясно, что эти люди были явно малоимущими и сами жили на грани нищеты. Очевидно, собранных денежных средств хватило лишь на содержание двух-трех пауперов, да и то в течение неполного года².

Хотя в «бумагах» Бэкона нет сведений о привлечении крупных собственников к решению проблемы пауперизма в Норфолке, но по другим графствам такие сведения встречаются. Местные власти использовали крупных собственников не только для сбора с них денежных средств в пользу пауперов, но и для организации исправительных (рабочих) домов. Так это было, например, в 1590-е гг. в Йоркшире, где они заключили соглашение с одним джентльменом об организации производства фланели и торговли ею в течение 10 лет. За это он обязывался давать работу не менее чем пяти пауперам с выплатой жалованья по 17 п. в неделю за каждый фунт пряжи и делать выплаты в казну города 4 ф. ст. в год. Ему выделялось для производства помещение, и он освобождался от пошлин³. Такой способ привлечения крупных собственников к решению проблемы пауперизма был более целесообразным, так как создавал рабочие места для здоровых пауперов, а следовательно, способствовал развитию мануфактурного производства в стране, несмотря на крайне тяжелые условия труда.

Изучение материалов («бумаг») мирового судьи Н. Бэкона по графству Норфолк свидетельствует, что существовавшая в Англии указанного выше периода практика сбора налогов, займов и средств

¹ Ibid. P. 60–62.

² Ibid.

³ The Victoria History of The Counties of England. A History of the Yorkshire. Vol. III. P. 466–468.

¹ Ibid. P. 33.

² The official Papers // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. P. 58–65.

³ Ibid.

на нужды местных ополчений приводила к стремлению подданных постоянно утаивать или занижать размеры своей движимой и недвижимой собственности. Такая практика могла негативно влиять на их предпринимательскую активность и препятствовать их производственной или торговой деятельности в плане расширенного производства. Однако насколько эффективны были попытки подданных утаивания или занижения оценки движимой и недвижимой собственности? Наш источник дает лишь косвенно ответ на этот вопрос. Видимо, далеко не всегда указанным лицам удавалось это сделать. Совершенно очевидно, что местные власти располагали подробными сведениями о недвижимой и движимой собственности подданных в этом графстве и информировали (или, по крайней мере, должны были информировать) об этом центральную власть в лице Тайного совета и Казначейства. Следовательно, центральная власть при необходимости – через мировых судей и констеблей – могла оказывать на своих подданных административное давление в случае невыполнения ими финансовых обязательств перед короной.

В. П. Митрофанов (Пенза, ПГУ)

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРАВА НА КОРОЛЕВСКИЕ ДОЛЖНОСТИ ВО ФРАНЦИИ XVI В.

Аннотация

Рассматривается начальный этап развития практики продажи должностей (*vénalité des offices*) во Франции в XVI в. – от 1523–1524 гг. (создание кассы «нерегулярных доходов» – *caisse de parties casuelles*) до 1604 г. (введение ежегодного сбора (полетты – *paulette*)). Французские юристы XVI – начала XVII в. уподобляли должность феодальному держанию, с его условным и иерархическим характером. Эта концепция соответствовала традиционной политике монарха «давать»/«даровать» должности (хотя в финансово неблагоприятных условиях конца XV – начала XVI в. короли стали активно извлекать доход от новых должностей), тогда как с началом легальной продажи должностей произошли важные изменения, способствовавшие формированию владельческих прав французских чиновников на их должности. Определяющим в этом процессе видится тот факт, что для должностей, которые реализовывались через кассу «нерегулярных доходов», Королевский совет устанавливал фиксированный денежный взнос (*finance*). Если чиновник официально приобрел должность через кассу «нерегулярных доходов» и мог предоставить квитанцию казначея об уплаченной в казну сумме, король не мог лишить чиновника этой должности, не вернув деньги, которые были за нее выплачены. Именно признание качественно новой роли денежных выплат за должности в отношениях между королем и его чиновниками придавало владельческим правам на должность новый характер.

Ключевые слова: Франция, XVI в., должности, чиновники, касса нерегулярных доходов, полетта, продажа должностей, Робер Десимон.

The Possession of the Royal Offices in the sixteenth-century France

Summary

The author deals with the early phase of the practice of selling offices (*vénalité des offices*) in 16th-century France, from 1523–1524 (the establishment of the *caisse des parties casuelles*, the department of casual revenues) to 1604 (the introduction of an annual tax, the *paulette*). French jurists of the 16th and early 17th centuries